

от 22 АПР 1965
Газета №

САМАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ

Среди многих сотен ролей, сыгранных мною за мою довольно уже длинную артистическую биографию, есть одна, которая особенно близка и дорога мне. Это — роль, к которой всякий артист подходит и как к величайшей чести, и как к величайшему испытанию. Помню, когда мои снимки в гриме Владимира Ильича Ленина, роль которого я должен был играть в пьесе Николая Погодина «Кремлевские куранты», были одобрены и надо было вплотную приступить к работе над ролью, я был несколько растерян перед лицом громадности той задачи, которая встала передо мной. Ведь мало передать на сцене внешние черты Ильича — его облик, походку, интонации го-

лоса, хотя и здесь, конечно, было много своих трудностей. Как воплотить на сцене Ленина — вождя революции, Ленина — гениального мыслителя так, чтобы он остался живым, полнокровным человеком, столь бесконечно близким каждому из нас?

Помню, весь свой отпуск я провел в Москве, в Музее Ленина. Десятки раз смотрел одни и те же скучные документальные кадры, десятки раз слушал одни и те же немногие граммофонные записи. Встречался со старыми большевиками, которые видели Ленина, работали вместе с ним. В каждом отдельном случае находились какие-то детали, какие-то, на первый взгляд, крохотные черточки, которые как бы изнутри освещали давно знакомый и любимый образ. Так, например, еще и еще раз прослушивая граммофонные записи, я обратил внимание на то, что вопреки широко распространенному мнению о некоторой картавости Ильича, он многие слова с буквой «р» произносил очень твердо. Особенно обратил я внимание на это при повторном прослушивании его речи, посвященной памяти Я. М. Свердлова. И как я был счастлив, когда театральная деятельница Е. А. Полякова, работавшая в свое время в секретариате у Владимира Ильича, подтвердила мое наблюдение. Ленин не картавил. Просто в разговоре его иногда «перекапывалась горошина» — это грассирование было естественным для человека, с детства свободно говорившего на нескольких иностранных языках.

А как передать на сцене ленинскую мысль, ту титаническую работу ума, которая беспрерывно шла за этим крутым сократовским лбом?.. Время действия «Кремлевских курантов» совпадает с началом работы Ильича над планом ГОЭЛРО. Я до позднего вечера сидел в библиотеке. Подняты

были все материалы, относящиеся к этим годам. Особенно внимательно я вчитывался в записки Владимира Ильича, которые он писал на совещаниях, заседаниях. Это — ценнейшие документы, они отражают ход живой ленинской мысли.

Много дали мне, конечно, и воспоминания современников об Ильиче. Помню, ключ к некоторым сценам мне помогли найти строки, в которых рассказывалось, как рассердился уже больной Ленин на излишне усердных хозяйственников, срубивших несколько деревьев в парке в Гурках. Они помогли мне зримо, если так можно выразиться, внутренне представить Владимира Ильича в гневе. А Ленин мог и умел сердиться не только на политических врагов рабочего класса и революции, но и на головотяпов, на бюрократов всех мастей, на всех, кто даже «из лучших побуждений» объективно мешал нашему движению вперед. Этот образ Ленина, который мог быть, когда надо, резким и твердым до беспощадности, тоже много дал мне как артисту.

Волновался я на первом спектакле отчаянно, хотя товарищи и говорили мне, что все хорошо. Но как примут «моего Ленина» зрители, каждый из которых носит давно созданный образ вождя в своем сердце? Как играл первые сцены, просто не помню. И только когда чуткая гишнина, воцарявшаяся в зале при моем появлении на сцене, а затем и аплодисменты зрительской показали, что люди принимают созданный мною образ, я понял, что все мои усилия были не напрасны...

Те незабываемые минуты, которые я пережил, играя в спектаклях «Кремлевские куранты» и «Цветы живые», навсегда останутся для меня самым драгоценным воспоминанием.

А. РАТОМСКИЙ,
заслуженный артист РСФСР.